

Л. В. Смирнова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ РАЙОНИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТОВ НИВЕЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ

Рассматриваются концептуальные положения районирования как инструмента нивелирования региональных неравенств. Показана значимость изучения категории «вертикально-интегрированный федерализм».

Thus article is devoted to the conceptual framework of district division as a tool of reducing regional disparities. The author emphasizes the importance of studying the category of "vertically-integrated federalism" in Russian conditions.

Ключевые слова: региональная политика, определение приоритетов развития, аналогия, механическая система, региональные неравенства.

Key words: regional development, identification of development priorities, analogy, mechanical system, regional disparities.

Вопросы громадного диспаритета регионального валового продукта, бюджетной компетенции, формирования условий самодостаточности регионов и другие обычно рассматриваются в границах регионального районирования, априори установленных Конституцией Российской Федерации [1; 2]. При этом проведенные исследования [1] показывают, что ресурсная кластеризация и укрупнение регионов являются весьма эффективным организационным «приемом» борьбы за благосостояние населения.

На протяжении последних пяти лет ряд правительственных инициатив в направлении совершенствования регионального управления демонстрирует, что руководство страны также разделяет точку зрения по укрупнению регионов, а Конституция РФ в части п. 3 ст. 67 не исключает возможности подобных действий: «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия».

Направления современной «социолокации», в том числе и в Российской Федерации, особенно показательны на примере расширения зоны московской агломерации как магнита трудовых ресурсов со всей территории России, в то время как влияние богатых ресурсодобывающих регионов, обладающих факторами природы первой группы, проявляются существенно слабее.

Однако сложившаяся вертикаль власти значительно сужает поле «инструментов» рыночной экономики, ставя под сомнение эффективность известных теорий регионального развития применительно к условиям Российской Федерации.

Экономическое неравенство регионов Российской Федерации не сокращается, несмотря на попытки федеральной власти препятствовать этому перераспределением финансовых ресурсов. Вопросы оптимального баланса между стимулирующим и выравнивающим векторами региональной политики остаются без ответа.

В развитии регионов России доминируют унаследованные особенности – *path dependency* (зависимость от пройденного пути, «наезженная колея»). Ориентация на факторы «второй природы» имеет место преимущественно в столичной агломерации. При этом количество регионов-доноров в 2000–2009 гг. сократилось с 18 до 13. Очевидна задача совершенствования действующей системы федеративного устройства новой России и разработка концептуальных положений ее административно-территориального деления как альтернативы *path dependency*.

Современной научной практикой теоретическое положение о смешанном характере моделей федерализма дополнено понятием «вертикально-интегрированный федерализм», присущим российской модели. Аналог данной модели сравнивают с управлением в вертикально-интегрированной корпоративной структуре. На примере ведущих зарубежных стран в данной модели в отличие от доминирования конкурентного или кооперативного элементов преобладает регулирование межбюджетных отношений. Естественно предположить, что достижения современного менеджмента в такой постановке могут быть реализованы в полной мере.

Типология исследования федеративного районирования, в нашем понимании, должна строиться на исследованиях комплекса вопросов (задач):

- 1) описание характеристик «благополучия»;
- 2) классификация функций государства в этих характеристиках;
- 3) разработка соответствующих критериев эффективности, прежде всего в сфере социальной политики.

Нетривиальность вопросов покажем на примере известных подходов к решению первой задачи.

В большинстве стран описание характеристик «благополучия» формализуется преимущественно в дефинициях социальной политики, накладывая отпечаток на государственное регулирование экономики и рынка труда, бюджетную политику и социальное обеспечение, а также на моральные и идеологические ценности страны. При этом современные исследования [3] терминологически заменяют привычный аппарат взаимодействия через социальные услуги «соприкосновением» государственной политики с жизнеобеспечивающей деятельностью всего населения.

Анализу подвергаются в основном размах социальной помощи, масштабы неравенства доходов, распределение различных видов ресурсов, что определяет цели подобного рода исследований. Не вдаваясь в методологические тонкости подобных исследований, подчеркнем лишь, что согласно Методике люксембургского исследования доходов (Luxemburg Income Survey, LIS) статистическое измерение неравенства личных доходов населения не является универсальным, так как они в объектах изучения, особенно на страновом уровне, могут быть результатом множества факторов. Анализ показывает, что для определения того, насколько полно институты *welfare state* (социальное государство) охватывают общество и эффективна ли их борьба против бедности, изучение только неравенства доходов не достаточно [3].

Очевидно, что каждый из объектов анализа можно рассматривать и подвергать количественной оценке отдельно. Однако именно комплексность исследований — это необходимый атрибут главного различительного критерия.

При том общепринятое определение государства благополучия предполагает ответственность последнего за обеспечение некоего минимума благополучия его гражданам. Но какие именно виды деятельности правительства следует отнести к обеспечению "минимума реальных доходов" — вопрос далеко не очевидный, а по сути своей для регионов «аксиоматического» характера.

Например, «поддержание уровня доходов можно рассматривать в узком смысле — как функционирование институтов, устанавливающих размеры заработной платы и жалования, налоговых льгот, реализующих социальное обеспечение и оказывающих социальную поддержку.

Однако уместнее это понятие расширить, включив в него еще и меры поощрения экономического роста (стимулирование спроса на рынке труда, политика цен и доходов), охрану окружающей среды, транспорт, инфраструктуру здравоохранения, образования и жилищного сектора, поддержку программ занятости в самом широком смысле слова, то есть все, что препятствует снижению уровня благополучия и увеличивает приток личных и коллективных доходов как по государственным, так и по частным каналам» [3, с. 15].

Очевидно, что применительно к проблеме региональных исследований отмеченные методологические вопросы являются более чем полными в силу страновой специфики, корректности перевода, сути анализируемых статистических величин и др. Указанные многоцелевой и многопараметрический подходы бесспорны, но сам по себе повсеместно применяемый статистический подход имеет ряд фундаментальных недостатков.

Покажем это применительно к анализу статистик новой России.

Так, известные попытки поиска инструментального воздействия на социально-экономические системы находят отражение в комплексе индикативных показателей: ВВП, ВРП, HDI и др.

Принципиально неустранимый недостаток таких систем — «проклятие» размерности. Введение в анализ новой переменной требует увеличения количества строк матрицы на порядок (по правилу «одна переменная — 10 строк»). Так, при шести нормируемых функциях Файоля и попытке найти коэффициенты регрессии необходимо около 60 временных интервалов, или в координатах поквартальной отчетности — 15 лет работы. В силу перманентности отечественного законодательства, налоговых новаций, изменяющихся курсов национальной валюты и тому подобного анализ таких временных горизонтов представляется весьма условным.

Покажем альтернативности статистической методологии. Например, аналогия социума федеративного государства с механической системой позволяет выявить ряд вопросов «живучести» системы. Так, Российская Федерация как государство по определению является жестко структурированной системой, неизбежно охраняемой рядом положений Конституции. Но

составляющие компоненты (районированные компоненты) в силу различных свойств при взаимодействии с внешней средой изменяются не одинаково, то отсюда возникает ряд задач:

- 1) обеспечить целостность социально-экономической системы;
- 2) гарантировать исполнение системой своих функций;
- 3) трансформировать условие «срока службы механической системы» в условия развития (живучести) социальной системы.

Решения задач первой группы строятся в рамках системы допустимых напряжений относительно нормируемых значений (практически это означает допустимый уровень социального напряжения в обществе не выше установленной величины).

Требования по второй группе «задаются извне» и формулируются в виде целевых установок системы. На практике это означает формализацию «места» России в мире.

Решения задач третьей группы предусматривают создание необходимых условий «функционирования» системы, в том числе ее защиты от «рабочих» нагрузок и воздействия внешней среды.

Если принять, что аналогия уместна, то законы механики показывают, что наибольшей долговечностью обладают системы, в которых «внутренние напряжения» сняты, т.е. применительно к социосистемам это означает максимально выровненные по государству социальных условий проживания.

Таким образом, нам представляется, что методологические основы суть которых мы в общих чертах изложили выше, открывают новые резервы и возможности исследования проблем регионов и путей их решения.

Список литературы

1. Смирнова Л. В. Технологии ресурсной типологизации в управлении экономикой регионов (на примере Калининградской области): дис. ... канд. экон. наук: Калининград, 2005.
2. Независимый институт социальной политики. Тематические обзоры: социальный атлас российских регионов. URL: http://atlas.socpol.ru/overviews/econ_condition/index.shtml
3. Вейт-Уилсон Д. Государство благосостояния: проблема в самом понятии. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/56013.htm#3>
4. Goodin R. E. Freedom and the Welfare State: Theoretical Foundations // J. of Social Policy. 1982. Vol. 11, № 2. P. 150.

Об авторе

Лариса Витальевна Смирнова — канд. экон. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: smirnob@rambler.ru

About author

Dr. Larisa Smirnova, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: smirnob@rambler.ru